

Молодой Грифон

Это должно было быть сказано. При всех моих достоинствах, при всём моём величии, при всём том, что я был единственным человеком, который когда-либо мог быть мной, я не был совершенен. У меня были недостатки. И что ещё более вопиюще, я не был всезнающим. В некоторых отношениях я был даже не особенно хорошо информирован.

Мой отец всегда делал всё в своём собственном темпе, и Алый Город регулировал свой темп, чтобы соответствовать его. При всём том, что я был самым собой, я не отличался в этом отношении. Я культивировал добродетель, которую он навязал мне, я преуспел в задачах, которые он ставил передо мной, и я усвоил уроки, которые он считал нужными, чтобы преподать мне. И только эти уроки.

Я искал то, что мог, когда мог, конечно. Но если Дэймон Этос не хотел, чтобы ты что-то знал, в Аликосе не было ни одной души, которая посмела бы об этом рассказать. Если он не хотел, чтобы у тебя что-то было, всё золото Египта не могло убедить Аликонца продать тебе это.

Я всегда знал, что мой отец что-то скрывает от меня. Но я не совсем понимал масштабы этого, пока не ступил на порог города-святилища.

Воробы были каждый в Софическом Царстве, а это означало, что какая бы фракция ни послала их, это были не наши новые друзья, что указали им путь. Иначе они послали бы Героев. В отсутствие кириоса Бушующее Небо отказалось от всех, кроме самых поверхностных, притворств на единство. Различные фракции свободного Средиземноморья только начали раздирать друг друга на части, пытаясь заполнить пропасть что осталась, и разделение было названием игры.

Мы с Солом оказались замешаны в этом, объединившись не с одним, а с шестью Героическими культиваторами на глазах различных индиговых посвящённых. Это было неизбежно.

Неустанно, голосом души пообещал Воробна слева.

Всегда под рукой, с непоколебимой решимостью заявил Воробна справа.

Я увидел замешательство в глазах Сола, которое вскоре уступило место буре. Гравитас потряс храм, неслышный удар заставил мои зубы вибрировать и отбросил Воробну справа назад в пруд с оливковым маслом. Сол сделал выпад вперёд, чтобы обменяться ударами с Воробной слева, но культиватор в чёрном ловко уклонился от него, пригнувшись и повернувшись на одной ноге, и нанеся жестокий удар ногой в его правую голень.

У Сола не подкосились ноги, как намеревался Воробна, но Римлянин хрюкнул и пошатнулся в сторону, указывая проклинающим пальцем на падальщика. Тень факелов мелькнула вокруг него, и он метнулся влево, быстрее, чем мог бы двигаться любой Софический культиватор.

Он уклонился от призыва добродетели Сола и поймал мой сжатый кулак своим нутром. Я наслаждался сладким звуком задыхающегося человека, ударяя его со всех сторон панкратионовыми руками, овеванными розовым светом зари.

[Наступает заря.]

Без паузы, произнёс Ворóна, врезаясь своим лбом в мой. В моих глазах вспыхнул звёздный свет, в ушах зазвенело, сила удара не была похожа ни на что, что я испытывал от Философа прежде. Я оскалил зубы в ухмылке и поймал его руки, когда они взметнулись вверх.

Тонкая струйка крови стекала с того места, где его сокрытый лоб встретился с моим, пока звуки брызг и дикой борьбы доносились из пруда с оливковым маслом, служившего основанием для хризелефантинного трона. У Ворóны не было сердечного огня, чтобы осветить его глаза за капюшоном, но я всё равно пристально всмотрелся в них.

— Значит, это человек принципа, — размышлял я, хватая его капюшон и рваные края его полуночной мантии руками своего намерения, разрывая и раздирая. Его пневма вспыхнула.

И он заговорил: «Святотатство, — произнёс Ворóна, — сражаться в храме Отца». — И как прежде, когда те молодые Философы излагали свои факты, сила его души удвоилась.

Я оставил попытки разоблачить его, так как давление на наши соединённые руки стало невыносимым. Руки панкратиона с силой ударили по его предплечьям, вынуждая его отпустить меня. Я спрыгнул обратно на плитку.

Три мальчика, а теперь это. Не совпадение - это было что-то фундаментальное. Что-то, что я должен знать.

— Начать драку гораздо хуже, чем закончить её, — ответил я, вложив в эти слова всю силу своей пневмы. Я почувствовал намёк на что-то, какую-то невесомость, но я лишь имитировал то, что видел как сторонний наблюдатель. Я сконцентрировался, в то время как Сол подпрыгнул прямо к потолку в брызгах оливкового масла, а Ворóна справа последовал за ним.

Мой противник снова обратился мерцающими тенями, но он уже показал мне этот трюк один раз. Сначала он подготовится, приняв стойку, в которой он будет выходить из этой техники. Он нанёс правый хук с расстояния пятидесяти футов.

Я наклонился вправо, уклоняясь от него на волосок, и ударил ему коленом между ног. Делая это, я осудил его.

— Устраивать засаду на почётных гостей вашего культа, — осудил я его, дважды ударив его по почкам и пять раз по лицу. — На священной земле вашего города! — Ворóна отшатнулся назад, тени замерцали, когда он попытался убежать от меня. Я схватил его пылающими руками и притянул к себе. — Среди неба и земли только ты один бесчестен!

И я почувствовал это. Силу, которая всколыхнулась за моими глазами, пульсируя в моём черепе, и текла вниз, вниз, прорываясь сквозь меня, как целый кувшин кикёина, и наполняя меня жизненной силой.

Ворóна топнул по моей босой ноге и упёрся плечом мне в грудь, в натиске. Нити боли молнией пронзили мою ногу, и моё культивирование пошатнулось, так как он выбил из меня весь ветер. Он превосходил меня в культивировании, но так уже было и раньше с теми детьми. Но, в отличие от них, этот культиватор был взрослым мужчиной - его тело выдержало годы интенсивных тренировок. Сила его тела соответствовала силе его души.

А потом сила его разума превзошла мою, когда он поднял мои ноги с пола и прорычал.

— Дурак. Я никто.

Необъяснимое головокружение покинуло меня так же быстро, как и пришло, ледяная ванна, которая потрясла чувства и лишила силы мои конечности. Это чуть не убило меня, когда Ворона повалил нас на землю, достав из складок своей мантии отвратительный ржавый кинжал и вонзив его мне в бок. Но даже когда мой разум колебался, моё намерение оставалось верным. Руки панкратиона поймали клинок и выбили его из его руки, хотя его ржавый край порезал мою душу.

Я сплюнул кровь на его чёрную вуаль и взмахнул ногами, схватив ими его за грудь и крутанув талией, пока мы падали на плитку. Лезвие убийцы шмякнулось на священный мраморный пол, звук был совсем не правильным, когда оно скользило и крутилось по плиткам. Ворона бросился за ним, злобно пиная меня, но было слишком поздно. Он был у меня в руках.

Ворона справа закричал своим беззвучным голосом, и Сол ответил ему приливной волной гравитации, которая захватила всех в храме. В том числе и меня. Мой желудок скрутило, а сердце подскочило к горлу, когда весь мир переместился на другую ось, и я полетел вбок, словно падая с неба. Где-то наверху взвизгнул Сорея, а Ворона закричал своим настоящим голосом.

Мраморный часовой стоял в тени арочного проёма, преклонив колени в знак почтения перед отцом. В храме было ещё одиннадцать, каждый из них держал оружие, и все они были без лица. У этого в руке был трезубец, который он приглашающе выставил, когда мы приблизились к нему. Ворона бился в моих руках, когда наши тела полностью оторвались от земли, ударяя меня сжатыми кулаками и мерзкими теневыми техниками, которые сгорали от прикосновения розовых пальцев.

Я прижал раскрытую ладонь к закрытому капюшоном лицу Ворона и толкнул его в бок, разворачивая его с помощью захвата ног. Может, статуя дозорного и была не более чем камнем, но его трезубец был из чистой бронзы. Я бросил Ворона в него, и все три острия трезубца вырвались из его груди.

Я поднял себя к земле с помощью рук панкратиона и повернулся, поймав второго Ворона, когда атака Сола отправила его лететь в мою сторону. Он тут же пришёл в ярость, сражаясь со мной как крыса, пойманная за хвост, что, в принципе, было недалеко от правды.

— Ты никто, да? — прорычал я, встав на ноги и игнорируя его бессильные удары локтями и ногами, когда я перекинул его через плечо. Головокружение вернулось, расцветая в моём черепе и проходя через мои конечности, когда я вызвал то, что могло быть только основным оружием каждого учёного-воина.

— Как будто я мог проиграть такому трусу. У моей невзгоды есть лицо.

Их риторика.

Я швырнул Ворона на пол и отступил назад, когда Сол упал с наконечника скипетра Отца и растоптал бедного убудка по алым плиткам, призвав Гравитас в момент удара. Грудь падальщика вогнулась внутрь, звук, который издали его рёбра, был ужасен. Звук, который издал сам человек, выгнувшись дугой, был ещё ужаснее. Я поймал его лицо руками панкратиона и прижал его обратно, душа его, пока он не обмяк.

Философ умер, и его последний, хрипящий вздох пронёсся через храм. Один последний вздох, пронёсся через храм Отца и погасил все факелы в поле зрения.

Оказавшись во внезапно наступившей темноте, истинная ворона едва не сбежала.

С торжествующим криком Сорей сорвался вниз и вонзил когти в птичью массу жидкой тени, пытавшейся спастись бегством. Как и прежде, проявление анонимности ужасно выло, пока Римский орёл-посланник поглощал его кусок за куском.

— Что это было? — гортанно спросил Сол. Его одеяние цвета индиго, ещё несколько минут назад девственно чистое, теперь было вымазано оливковым маслом и порвано на животе и правом бедре, где его порезал Ворона. Без сомнения, он снова был отравлен, хотя пока что дышал ровно.

— Трудно сказать, — сказал я с сарказмом, смахивая кровь с голой груди. — Но если бы мне пришлось предположить, я бы сказал, что моё мнение было доказано.

Сол нахмурился, проведя рукой по чёрным волосам, слипшимся от масла: «Не это. Что они говорили? И как они это говорили?»

— Хо, великий Легат не знает? Я собирался спросить тебя, мастер, — насмешливо сказал я. Волна его влияния ударила в меня, приливная волна вывела меня из равновесия. Я встал в стойку и упёрся руками пневмы, сплюнув кровь ему под ноги в ответ.

— Просто скажи мне, — огрызнулся он. — Я устал от того, что не знаю, что происходит.

— Взаимно. — В темноте, не слыша почти ничего, кроме влажных звуков, издаваемых добродетельным зверем, евшим досыта, и Софического культиватора, с трудом пытающегося дышать через пробитые лёгкие, мы с Солом оценили друг друга.

Я щёлкнул пальцами и зажёлг разбросанные факелы святого храма розовыми пальцами зари, поправляя все упавшие. Сол, казалось, совершенно не удивился, увидев, что я ухмыляюсь.

— Полагаю, теперь моя очередь снова стать мастером, раз уж твой никчёмный наставник так мало научил тебя нашим путям.

— Он научил меня всему, чему мог, — сказал Сол, без колебаний защищая человека. — Он не виноват в том, что наше время оборвалось.

— Я уверен, — согласился я. Затем, голосом своей души, я вынес приговор. — Но он всё равно оставил тебя неподготовленным. Он пренебрёг твоими основами, и теперь ты здесь, потерянный и ничего не понимающий. Он потерпел неудачу.

Склонившись над сломанным трупом растерзанного Ворона и оскалив зубы в голой угрозе, я увидел в нём волка. Я ухмыльнулся, наслаждаясь головокружением того, что моя риторика попала в цель, и снова заговорил с ним, не шевеля губами.

Рычи сколько хочешь. Ты знаешь, что я никогда не лгу.

— Мы люди принципов, — сказал я своему Римскому брату. — Философы, ищущие мудрости и

абсолютного просвещения. Более этого, мы стремимся просвещать окружающих нас людей так же, как мы были просвещены сами. Сказал бы ты, что твой наставник был мудрым человеком? Мирским, хорошо информированным человеком? — Сол неохотно кивнул. Я развёл руками. — И потому он подвёл тебя как Философ, потому что передал тебе лишь малую часть этих знаний.

— Мы понимаем мир вокруг нас как Философы - в виде правил природы. Но как мы можем внушить это понимание другим? Как мы можем убедить их в том, что они могут видеть?

— Через риторику, — понял Сол.

Я одобрительно хмыкнул: «Принципы, по которым мы живём - это сила сама по себе». — Наша способность бороться с низменными инстинктами и желаниями сердца в погоне за более совершенным существованием - вот где разум побеждает дух и голод. Вот где Философ действительно блистает. Риторика, таким образом, была нашей способностью навязывать другим правила природы, как мы их понимали.

В том, чтобы жить принципиальной жизнью, была невероятная сила. Ещё более невероятная сила заключалась в понимании мира и в передаче этого понимания другим. Я усвоил эти понятия, вставляя их в пробелы, которые мой отец намеренно оставил в моём образовании. Они органично соединились друг с другом.

— Почему Герои не делают этого? — задался вопросом Сол, испытывая беспокойство. Он встал и начал выжимать масло из своей мантии.

— Я не знаю, — честно признался я. — Но у меня есть несколько идей.

— И ты называешь моего наставника неудачником. У тебя был Тиран в качестве отца, и ты до сих пор не уверен? Что за отец держит своего сына в неведении?

— Что за отец тащит своего сына на войну? — ответил я. Наступил и прошёл напряжённый момент.

— Мой отец хотел для меня лучшего, — сказал Сол с полной убеждённостью.

— Мой тоже.

Сол поморщился, стряхивая оливковое масло с волос и глядя на труп у наших ног: «Мне всё равно это не нравится. Я бы лучше покинул Олимпию, и уехал куда-нибудь ещё».

— Для этого уже слишком поздно, — сказал я, опускаясь на колени рядом с мёртвым Воробной и кладя свои руки поперёк его тела, все двадцать две. — Наши руки теперь в крови. Неужели ты действительно согласен оставить всё как есть? Оставить Бушующее Небо поглощать само себя и позволить нашим друзьям страдать?

Его правая рука сжалась в кулак, и я понял, что победил: «Не делай вид, что ты делаешь это ради них. Ты пришёл сюда в поисках острых ощущений и нашёл их. Ты делаешь это ради себя, а не их».

— Неправильно, — сказал я. — Это и то, и другое. — Я закрыл глаза и произнёс короткую, безмолвную молитву за ушедшего человека. Затем, я начал раздевать его. — Скажи мне, Сол.

Ты нашёл своего наставника?

Он покачал головой.

— Нашёл ли ты какие-нибудь зацепки? — спросил я, рассматривая лицо мертвеца, когда я откинул его капюшон. Я не узнал его. Сол промолчал, что было достаточным ответом. — Дай угадаю. Ты доверился Анастасии, и она узнала его имя. Но она не дала тебе ничего конкретного.

Он хмыкнул.

— Ты знаешь, что за существо представляет из себя Героический культиватор, Сол. Ты слышал истории. И если твои военные истории — не просто пыль и ветер, то ты даже видел это сам.

— Ближе к делу.

Я усмехнулся, но подчинился: «Ты не хуже меня знаешь, что город не может выдержать полную силу Героя, даже если этот город — Олимпия. Она не помещается в переулках и коридорах. Она не процветает в дружеских поединках и контролируемых соревнованиях. Мой кузен Николас планировал участвовать в Олимпийских Играх в этом году, ты знал об этом? И его спутники тоже. И всё же они не носили индиго, когда вернулись домой, и он ни разу не говорил о Бушующем Небе, когда рассказывал свои истории. Как ты думаешь, почему?»

— Потому что он так и не присоединился, — сказал Сол, задумчиво нахмурившись.

— Именно. — Я развернул черные одежды мёртвого Философа и встал, подойдя к бассейну с оливковым маслом и окунув их в него, счищая кровь с ткани руками панкратиона. — Почти все спортсмены, участвующие в Играх, делают это как посторонние. Культы тайн не могут надеяться обеспечить Героя, стремящегося к возвышению. Это просто невозможно.

— Даже с Тиранами, чтобы наставлять их? — спросил Сол.

— Культиваторы — жадные существа, ты сам это знаешь, — сказал я, пожав плечами. — Есть только один тип людей, которых Тиран будет наставлять.

Его наследник.

Что-то изменилось в осанке Сола, появилась какая-то безымянная сталь, и он пошёл к Вороне, посаженному на трезубец дозорного. Я не увидел, что произошло далее, сосредоточившись на чистке, но я почувствовал пульс его воли и услышал хруст разрушающегося черепа. Мои руки панкратиона защитно обхватили факелы, когда последний вздох Философа пронёсся по храму. Наступила пауза, затем раздалось короткое шарканье ткани, и Сол появился рядом со мной, макая свой собственный набор черных тряпок в оливковое масло.

— Герой не может возвыситься в клетке, — тихо сказал он, его глаза были отрешёнными, пока он работал. Переживая тысячу разных воспоминаний. — Так почему они здесь?

— Это и есть вопрос, — подтвердил я, доставая из бассейна свою новую одежду и взмахивая ею, как кнутом, разбрызгивая духовное масло по ногам Отца. — Герой не может быть чем-то меньшим, чем значительное существование. Что могло привести их сюда? Что может стоять их времени в этих стенах?

От чего они могли бежать?

Несколько мгновений мы работали в тишине, Сол оттирал, пока я сушил свои одежды тлеющими ладонями.

С запозданием я добавил: «А ещё я хочу увидеть Оракулов».

Сол недоверчиво посмотрел на меня: «Оракулов? Одного не хватило?»

— За кого ты меня принимаешь?

Римлянин с отвращением покачал головой и достал из бассейна свои собственные одеяния, передав их мне, когда я предложил пылающую руку: «Как ты собираешься смешаться с ними? Мы не знаем, кому отвечали эти двое. Мы понятия не имеем как они общаются друг с другом. Нас вычислят в течение дня».

— Используй свою голову, Легат. — Я махнул рукой на добродетельного зверя, сидящего на высокой арке и с любопытством наблюдающего за нами. — Не зря их называют Воронами.

Сол сузил глаза: «Сорея. Ко мне». — Орёл издал услужливый крик и слетел с арки, мягко приземлившись на протянутую руку Римлянина. Беспородная птица. Порезы, которые он мне оставил, всё ещё жгло.

Римлянин протянул раскрытую ладонь и твёрдо сказал: «Выплюнь это».

Сорея задрал голову, а затем его тело вздыбилось. Великий орёл-посланник извергнул в руку Сола груды чернильно-чёрных костей. Достаточных для двух маленьких птиц.

Я сморщил нос: «Что ж. Это прискорбно».

<http://tl.rulate.ru/book/93122/3313814>